

RU

«Остров Харг» иранского писателя Джалала Але Ахмада: роль этнографического очерка в становлении антизападной позиции автора

Штых Ю. Г.

Аннотация. Статья посвящена этнографическому очерку иранского писателя Джалала Але Ахмада «Остров Харг: уникальная жемчужина Персидского залива». Цель исследования – проследить связь между данной работой и становлением антизападной позиции ее автора, а также усилением антизападных тенденций в иранской литературе XX века. Научная новизна исследования заключается в том, что в ходе комплексного анализа данного очерка доказана его исключительно важная роль в формировании антизападной и антиколониальной позиции Але Ахмада, нашедшей позднее отображение в одной из наиболее известных его работ «Гарбзадеги» («Западничество»). В статье рассматриваются роль этнографических очерков в творчестве иранского писателя, идейный замысел и история создания очерка «Остров Харг», историко-этнографическая ценность заметок и, наконец, негативные аспекты быстрой индустриализации острова, вызвавшие яростную критику автора. Полученные результаты свидетельствуют о том, что очерк «Остров Харг», написанный в то время, когда на острове разворачивалось строительство нефтепровода, представляет собой не просто заметки автора этнографического характера, но в первую очередь «приговор» западному пути развития иранского общества, закрепляющему полуколониальный статус страны в системе международных отношений. Очерк окончательно формирует антизападную позицию автора, призывающего к радикальному пересмотру взаимоотношений Ирана и Запада ради сохранения иранской национально-культурной идентичности.

EN

"Kharg Island" by Iranian writer Jalal Ale Ahmad: the role of an ethnographic essay in the formation of the author's anti-Western position

I. G. Shtykh

Abstract. The article is devoted to the ethnographic essay by the Iranian writer Jalal Ale Ahmad "Kharg Island: a unique pearl of the Persian Gulf". The purpose of the study is to trace the connection between this work and the formation of the anti-Western position of its author, as well as the strengthening of anti-Western tendencies in Iranian literature of the 20th century. The scientific novelty of the study lies in the fact that a comprehensive analysis of this essay proved its extremely important role in shaping the anti-Western and anti-colonial position of Ale Ahmad, which was later reflected in one of his most famous works "Garbzadegi" ("Occidentosis"). The article examines the role of ethnographic essays in the work of the Iranian writer, the ideological idea and history of the creation of the essay "Kharg Island", the historical and ethnographic value of the notes and, finally, the negative aspects of the rapid industrialization of the island, which caused fierce criticism of the author. The results obtained indicate that the essay "Kharg Island", written at a time when the construction of an oil pipeline was underway on the island, is not just an ethnographic note by the author, but primarily a "verdict" on the Western path of development of Iranian society, consolidating the country's semi-colonial status in the system of international relations. The essay definitively forms the author's anti-Western position, calling for a radical revision of relations between Iran and the West in order to preserve the Iranian national and cultural identity.

Введение

Актуальность данного исследования связана с резко возросшим в последнее время интересом исследователей к творчеству Джалала Але Ахмада, одного из самых неоднозначных и дискуссионных авторов в иранской

литературе XX века. Скептицизм писателя по отношению к ускоренной модернизации иранского общества и перспективам развития западной техногенной цивилизации в целом находит сейчас живейший отклик у представителей интеллектуальной мысли, остро осознающих необходимость реформирования путей развития современного общества для того, чтобы противостоять вызовам и проблемам, представшим перед человечеством в настоящее время. В этой связи особенно важно рассмотреть этнографический очерк Але Ахмада не только как работу, представляющую ценность для этнографов, но и как критическое литературное произведение, направленное против потребительского отношения человека к природе и ее ресурсам, против неоколониальной политики Запада по отношению к странам так называемого «третьего мира», в частности к Ирану. Критикуя «вторжение машин» на остров Харг, иранский писатель ставит под сомнение и весь западный образ мышления, рассматривающий как безусловную ценность лишь такие материальные категории, как прибыль и экономическая целесообразность. Писатель призывает отказаться от западной модели развития ради сохранения иранской культурной идентичности.

Для достижения цели исследования предполагается решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть историю создания очерка «Остров Харг: уникальная жемчужина Персидского залива», а также его идейный замысел;
- 2) проанализировать этнографические аспекты очерка;
- 3) выявить негативные аспекты процесса модернизации острова, вызвавшие яростную критику иранского писателя и сыгравшие ключевую роль в формировании его антизападной позиции.

В работе применяются следующие методы исследования: биографический метод, использовавшийся при рассмотрении истории написания очерка «Остров Харг» и его идейной концепции; описательный и культурно-исторический методы, благодаря которым были проанализированы этнографические и антизападные аспекты очерка, и наконец, метод целостного анализа литературного произведения, позволивший дать очерку всестороннюю характеристику, включающую анализ идеологических основ, структурных, композиционных, содержательных особенностей очерка и позволяющую в свою очередь проследить связь между очерком как литературным произведением с одной стороны и становлением авторской антизападной позиции – с другой.

Материалом для исследования послужил этнографический очерк Джалала Але Ахмада «Остров Харг: уникальная жемчужина Персидского залива» (Al-e Ahmad J. Dorr-e Yatim-e Khalij: Jazire-ye Kharg. Tehran: Ketab-khaneh Danesh, 1339/1960), а также следующие работы писателя:

- Al-e Ahmad J. Gharbzadegi (Западничество). Tehran: Khorram, 1385/2006;
- Al-e Ahmad J. Yek chah o do challe va masalan sharh-e ahwalat (Автобиографические заметки). Tehran: Ravaq, 1343/1964;
- Al-e Ahmad J. Pishgoftar (Предисловие) // Purkarim H. Fashandak. Tehran, 1341/1962;
- Al-e Ahmad J. Safar-e Roos (Путешествие в Россию). Tehran: Firdaws, 1377/1998;
- Jahed P. Neveshtan ba durbin. Ru dar ru ba Ebrahim Golestan (Писатель и режиссер. Лицом к лицу с Ибрахимом Голестаном). Tehran: Nashr-e Akhtaran, 1394/2015.

Теоретической базой исследования послужили следующие источники. Во-первых, это труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные жизни и творчеству Джалала Але Ахмада в целом и его антизападной критике в частности (Baraheni, 1984; Clinton, 1984; Dabashi, 2017; 2021; Dastgheyb, 2011; Wells, 1982). Во-вторых, это работы, посвященные анализу идеологических основ исламских и антизападных тенденций в иранском обществе (Naraqi, 1975; Mirsepassi, 2019; Lolaki, 2020; Кляшторина, 1990), а также работа Х. Катузиан (Katouzian, 2009), в которой рассматривается исторический путь и национально-культурная идентичность иранского народа. В-третьих, это статья И. В. Дёмина (2017), посвященная проблемам трансформации сущностных характеристик человека в эпоху господства техники. И, наконец, это работа К. Блантон (Blanton, 2002), посвященная истории эволюции путевых очерков (травелогов), затрагивающая в числе прочих вопросов трансформацию авторского начала в процессе путешествия.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы для дальнейшего углубленного изучения как творчества Але Ахмада, так и иранской литературы XX в. в целом. Кроме того, материалы работы могут быть привлечены для подготовки специального учебного курса по творчеству Але Ахмада и для дополнения курса по истории современной литературы Ирана. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий для студентов, изучающих персидский язык и литературу.

Обсуждение и результаты

Этнографические очерки: роль в творчестве писателя

Перу известного иранского писателя Дж. Але Ахмада (1923-1969), прославившегося своей антишахской и антизападной критикой иранского общества 50-60-х годов XX века, принадлежит несколько этнографических очерков (Clinton, 1984). Это название в значительной мере условно, поскольку сам автор всегда выступал против такого определения, называя их словом *moshahadat* (перс. «наблюдения, заметки») (Dabashi, 2021, p. 216). О причинах протеста писателя против определения «этнографический» позволяет судить ряд эпизодов, упомянутых в его работах мемуарно-автобиографического жанра (в англ. терминологии *personal narratives*). В первую очередь речь идет о тесных связях между этнографией и колониализмом: Але Ахмад никогда не скрывал своего

скептического отношения к западной науке и западным ученым – археологам, антропологам, этнографам, – обеспечивающим, по его мнению, интересы метрополий, выкачивающих ресурсы из своих колоний (Al-e Ahmad, 1998, p. 29). В пользу этого утверждения свидетельствует и эпизод из автобиографии писателя: «Институтом социальных исследований при факультете литературы (Тегеранского университета. – Ю. Ш.) я был назначен куратором серии исследований в этой сфере (изучении сел и деревень Ирана. – Ю. Ш.), однако после выхода в свет пяти монографий я покинул этот проект. Когда понял, что эта серия монографий рассчитана на западных издателей и, соответственно, должна соответствовать их критериям. Но это отнюдь не входило в мои планы – мой замысел состоял в том, чтобы лучше узнать себя, свою сущность, взглянув на родную страну новым взглядом в соответствии со своими собственными ценностями» (Al-e Ahmad, 1964, p. 52). На невозможность применения к монографиям Але Ахмада критериев, присущих «евроцентричным дисциплинам (антропологии и этнографии)», указывает и исследователь творчества писателя Х. Дабаши: «Але Ахмад не был профессиональным антропологом; его работы следует возводить к жанру мусульманской географической литературы, широко представленному в истории исламской интеллектуальной мысли» (Dabashi, 2021, p. 216-217). Подчеркивая, что тексты этого жанра содержат детальное описание различных ландшафтов, народов и их культур, Х. Дабаши (2021) приводит имена таких средневековых авторов, как Ибн Хордадбех (820-912), Абу Зайд Ахмад Ибн Сахл ал-Балхи (IX век), ал-Мас'уди (896-956), Ибн Руста ал-Исфагани (X век) и др. Тем не менее использование в данной статье термина «этнографические очерки» представляется автору вполне приемлемым, поскольку оно опирается на уже сложившиеся в литературоведении традиции.

Как было сказано выше, стремление лучше узнать себя и свою страну, о котором пишет Але Ахмад, было в значительной степени обусловлено тем личностным кризисом, который пришлось пережить писателю после своего вынужденного ухода из политики (еще будучи студентом, Але Ахмад вступил в Народную партию Ирана, а затем, после раскола в рядах партии, он в течение трех лет состоял в комитете партии «Третья сила», исполняя обязанности редактора газет «*Шахед*» («Свидетель») и «*Ниру-йе севвом*» («Третья сила»), а также ежемесячного журнала «*Элм-о зендеги*» (Наука и жизнь)). С уходом в отставку премьер-министра Мосаддека, предпринявшего попытку национализировать иранскую нефтяную отрасль, начинается период репрессий против участников национально-освободительного движения (Katouzian, 2009, p. 253-254). В это время писатель много путешествует по стране, уделяя особое внимание посещению сел и деревень: «Поражение Национального фронта и победа компаний – нашедшая аллегорическое отображение в “Истории ульев” (повесть “История ульев” была опубликована в 1333/1954 г. – Ю. Ш.) – снова принесли с собой период вынужденного молчания. Это стало хорошей возможностью заглянуть в себя и поискать причины этих поражений в своем окружении, а также попутешествовать по стране. Итогом этих путешествий стали очерки “Оуразан”, “Таты уезда Захра”, “Остров Харг – уникальная жемчужина Персидского Залива”» (Al-e Ahmad, 1964, p. 51-52).

Эти очерки, посвященные описанию традиционного уклада иранской деревни, стали важной вехой в творчестве писателя: сыграв не последнюю роль в его идеологическом становлении, они укрепили его решимость продолжать борьбу против проводимой шахом Резой Пехлеви политики вестернизации Ирана и побудили к написанию его самого известного труда «*Гарбзадеги*» («Западничество»): «Так случилось, что молодой человек, сбежавший из религиозной семьи и чудом уцелевший после войны и активного участия в политических играх, обратил внимание на фундаментальное противоречие между традиционными устоями иранского общества и тем, что называется прогрессом, а на самом деле – подражанием политическим и экономическим реалиям Европы и Америки, ведущим нашу страну по пути превращения в западную колонию, потребляющую продукцию компаний. В результате в 1341 г. (1962 г.) появился мой труд “*Гарбзадеги*”» (Al-e Ahmad, 1964, p. 52). Название этого труда чаще всего переводят как «Западничество», хотя существуют и другие варианты перевода этого термина – «Западнофильство» или «Вестоксикация».

Осознание бесперспективности того пути, который сулило Ирану присоединение к глобальному западному проекту, пробудило в иранском писателе стремление создать новый фундамент общественной жизни с лежащей в его основе местной культурой (Baraheni, 1984, p. 87). Именно ценности, культивируемые в сложившемся веками культурном и социальном укладе иранской деревни, должны были, по мнению Джалала, лечь в основу программы развития иранского общества, в соответствии с которой будут осуществляться преобразования в социально-экономической и культурной сферах. Подчеркивая, что обновление экономического и социального фундамента, которое является задачей государства, невозможно без знания образа жизни сельского населения, Але Ахмад пишет: «Цель данного проекта (серии монографий, посвященных селам и деревням Ирана. – Ю. Ш.) состоит в том, чтобы лучше узнать процессы, происходящие на глубинном уровне нашего общества, представленном, как известно, населением сел и деревень. Поэтому в этих очерках рассматриваются такие вопросы, как традиции и обычаи деревни, ее диалекты и фольклор, правила и ценностные критерии, состояние земель и водных ресурсов, полномочия и обязанности деревенского старосты и его отношения с государственной властью. Наша цель – предоставить данный материал в распоряжение образованному городскому жителю, у которого есть план по реализации преобразований в социальной, экономической и культурной сферах, чтобы он стал первой ступенькой на пути, ведущем в лучшее будущее» (Al-e Ahmad, 1962, p. 3-4).

Проблема сохранения иранской культурной идентичности, поставленная Але Ахмадом в своих очерках, приобретает наибольшую остроту в «Острове Харг»: именно в этой работе в полной мере проявляется культурологический подход Але Ахмада к проблеме модернизации Ирана (Wells, 1982, p. 82). Главной темой очерка «Остров Харг» становится не просто описание быта и традиций деревенских жителей (как в очерках

«Оуразан» и «Таты уезда Захра»): на первый план выходит тема противостояния между исконным миром иранской деревни, хранящей традиционную культуру, с одной стороны, и Западом с его научно-техническим прогрессом – с другой. В связи с этим баланс субъективных и объективных элементов повествования (Blanton, 2002, p. 5) резко смещается в сторону субъективного, личностного элемента – сам автор, отмечая неизменность принципов и методов своей работы, указывает, что субъективное начало в очерке «Остров Харг» выражено в гораздо большей степени, нежели в других очерках: «В предыдущих двух книгах была сделана попытка дать краткий обзор культурной и экономической жизни двух небольших селений нашей страны, пытающихся оказать сопротивление вторжению технической цивилизации. Здесь же передо мной стоит задача показать неизбежность исчезновения одного из культурно-экономических объектов этой страны» (Al-e Ahmad, 1960, p. 11). Автор очерка становится не просто писателем, обрисовывающим происходящее, – его роль близка здесь к роли защитника родного края, стремящегося остановить вторжение Запада (Dastgheyb, 2011, p. 186-187).

История появления очерка «Остров Харг» и его идейная концепция

Представляет интерес и предыстория создания очерка «Остров Харг», поскольку она затрагивает один из важных вопросов, поставленных творчеством Але Ахмада: роль иранской интеллигенции в определении перспектив развития иранского общества. Поездка Але Ахмада на остров Харг летом 1958 г. была организована его давним другом Ибрахимом Голестаном, с которым они некогда состояли в рядах Народной партии; теперь же Голестан занимал один из ключевых постов в издательстве Международного нефтяного консорциума и курировал съемки документального фильма о строительстве на острове нефтепровода (Al-e Ahmad, 1964, p. 27): «Приглашение я получил благодаря моему старому другу Ибрахиму Голестану. Я не особо благодарен ему за это, но должен признать, что не будь его, эти записки никогда не увидели бы свет» (Al-e Ahmad, 1960, p. 10). Первоначально планировалось, что очерк Джалала Але Ахмада должен был быть использован при работе над фильмом, однако после разговора с главой издательского отдела Консорциума Полем Риптоном Джалал отказывается от заключения договора, предлагая подождать завершения работы над очерком. Через какое-то время Голестан сообщает Джалалу, что на его имя в банке пришла крупная сумма, и Джалал воспринимает это как желание его подкупить: «Он убеждал меня взять эти деньги, говоря, что в противном случае они просто сгорят. Наконец мне пришлось внять его уговорам. Три тысячи туманов! Это была самая крупная сумма, которую я получил в своей жизни за работу над книгой. Мы использовали ее для покраски нашего дома – сверху донизу. Вот так подкупают представителей нашей интеллигенции!» (Al-e Ahmad, 1964, p. 28-29).

Когда работа над очерком была завершена, Джалал отправляет ее Голестану, и тот окончательно убеждается в том, что содержание очерка не отвечает задачам Консорциума. Подчеркивая, что работа в интересах Консорциума никоим образом не входила в его планы, Джалал отказывается что-либо менять в своей работе и уточняет, не должен ли он вернуть полученную от Консорциума сумму: «Голестан ответил отрицательно, и на этом предыстория создания очерка заканчивается. Позднее очерк «Остров Харг» был опубликован издательством «Данеш» – тем самым, где ранее были изданы очерки «Оуразан» и «Таты уезда Захра»» (Al-e Ahmad, 1964, p. 30). А в 1341/1964 г. выходит в свет документальный фильм И. Голестана и А. Пендри «Волны, кораллы и скалы» (англ. название «Wave, Coral and Rock»). Созданный по заказу Национальной нефтяной компании Ирана, фильм освещал события по разработке ресурсов нефтеносного региона Гачсаран, включая и строительство нефтепровода на острове Харг.

К сожалению, на этом завершаются и дружеские отношения Але Ахмада с Голестаном: слишком далеко разошлись пути двух представителей иранской творческой интеллигенции. Будучи резким и прямолинейным человеком, Джалал не скрывает скептического отношения к работе своего друга на Консорциум: «Документальный фильм «Волны, кораллы и скалы» свидетельствует о том, что Голестан стал поэтом, прославляющим нефтяной промысел. Единственная сцена, которая, как я написал ему, представляла для меня интерес, был эпизод, где рабочие занимались укладкой подземного трубопровода, что весьма напомнило мне похоронный процесс» (Al-e Ahmad, 1964, p. 30-31). Голестан, разумеется, не остался в долгу, впоследствии высказав в адрес Але Ахмада и его творчества немало нелестных слов (Jahed, 2015, p. 70-72). История создания очерка, поставившая точку во взаимоотношениях двух выдающихся деятелей иранской культуры, в какой-то мере стала знаковой: она отразила противоречивость векторов, которые служили ориентирами для иранской интеллигенции и всего иранского общества в целом.

Идейный замысел очерка тесно связан с представлением автора о том, что модернизация по западному образцу является чуждой культуре Ирана (Mirsepassi, 2019, p. 21). Говоря о причинах написания очерка, Джалал неоднократно подчеркивает, что индустриализация острова уничтожит его прежний облик, поэтому свою задачу как писателя-документалиста он видит в том, чтобы запечатлеть этот облик в своей книге, сохранив его для будущих поколений: «Когда строительство нефтеналивного порта и соответствующей инфраструктуры будет завершено, от того Харга, о котором вы прочтете в этой книге, почти ничего не останется. Эти слова я пишу в то время, когда бульдозеры стирают с лица земли прежний Харг <...> Пальмы вырубаются, дома сносятся, а их жителей за денежную компенсацию переселяют в другие места, чтобы на освободившемся месте построить гостиницы и отели. Эта книга – свидетельство того, что время того Харга, который мы знали, подошло к концу» (Al-e Ahmad, 1960, p. 12). Называя стремительный характер индустриализации вторжением машин, писатель подчеркивает ее огромную разрушительную силу: «Бедой острова в том, что то, что должно было случиться с ним и другими отдаленными уголками нашей страны как постепенное и разумное преобразование, ведущее к новой цивилизации, явилось под маской разрушения, поглотившего его прежний облик, подобно чудовищу...

Автор этих строк опасается, что этой книге, несмотря на все ее недостатки, суждено стать последним наследием Харга для нашей пораженной влиянием Запада эпохи» (Al-e Ahmad, 1960, p. 12-13).

Осуждение, сквозящее в словах писателя, вызвано его опасениями усиления раскола в иранском обществе. Писателя не радуют преобразования, якобы говорящие о прогрессе, поскольку они не способны изменить к лучшему жизнь значительной части иранского населения, а лишь усилят неравенство и напряжение в обществе: «Когда реконструкция острова будет завершена, на карте нефтяных коммуникаций появится новый пункт. Конечно, это большой шаг, но стоит ли нам этим гордиться? Ведь этот шаг сделан не нами и не для нас. В половине наших селений даже со спичками еще не знакомы! С этой точки зрения стремительная индустриализация острова разорвет его связи с остальной частью страны» (Al-e Ahmad, 1960, p. 12-13). Здесь же Але Ахмад снова поднимает вопрос о сохранении иранской культурной идентичности и ее совместимости с ускоренной модернизацией: «Вопрос не в том, следует ли нам идти нога в ногу с вооруженной техникой западной цивилизацией. Ответ положительный, поскольку прогресс неизбежен. Вопрос в том, разумно ли пренебрегать местной культурой, следует ли смириться с абсолютно чуждой нам по духу культурой Запада? Если автор этих заметок сумеет хотя бы частично передать сущность острова Харг, его задачу можно считать выполненной» (Al-e Ahmad, 1960, p. 12-13).

Культурологический подход Але Ахмада позволяет ему описывать недостатки современного ему иранского общества (Wells, 1982, p. 90). В то же время, как указывают некоторые исследователи, этот подход, ставя культурную идентичность выше объективного (универсального) знания, может нести на себе отпечаток субъективности и предубеждения (Mirsepassi, 2019, p. 21). Але Ахмад, определяя западное влияние исключительно как негативное явление, всячески подчеркивает, что оно несет народу Ирана усиление неравноправия и угнетения и, что гораздо хуже, – самоотчуждение, поскольку вместе с западными технологиями в Иран приходят чуждые ему ценности. Становясь потребителями западных товаров, жители Ирана способствуют укреплению экономического и духовного доминирования Запада: «Теперь и мы <...> должны пройти этот ложный путь – в той степени, в какой мы станем покорными потребителями бесчисленных товаров крупных компаний. Ведь мы научились одеваться как они, жить в домах с кондиционерами, водить их машины – нам положили в рот западный технический прогресс как пожеванный ломоть хлеба. У нас нет своих специалистов, а если и есть, то в наших отравленных Западом глазах западные специалисты все равно выглядят предпочтительнее. Именно по этой причине в промышленности мы ограничились производством сахара и цемента – обманчивой видимостью экономического роста» (Al-e Ahmad, 1960, p. 14). В связи с этим Джалал стремится подчеркнуть ценность острова, которая не опирается на экономическую прибыльность и не связана с ней. Со ссылкой на средневекового мусульманского ученого Бируни, Джалал рассуждает: «Говорят, что этот остров станет уникальной жемчужиной, но сегодня мы видим, что он всегда был ею. Прошли века, а мы так и не научились его ценить. Рука времени, смахнув с него пыль забвения, заставит его снова засверкать, и современная техническая цивилизация также сумеет оценить его по достоинству» (Al-e Ahmad, 1960, p. 14).

Историко-этнографические заметки

Основную тематическую направленность очерка составляет историко-этнографический аспект, включающий краткие обзоры исторического и географического положения острова, описание его природных ресурсов и достопримечательностей, а также образа жизни, традиционных промыслов и диалекта местных жителей. Своеобразие канвы авторского повествования заключается в тесном переплетении наблюдений писателя с его размышлениями и личными переживаниями. Так, например, главу очерка, посвященную краткому географическому и историческому обзору острова, открывает проникнутое ностальгией по детству описание автором своего прибытия на остров: «Жара была влажной, но с моря дул легкий ветерок, приносивший прохладу неизвестно откуда. Мне нравилось ощущать под ногами мягкий песок аэропорта, от которого не поднималась пыль. Я почувствовал себя ребенком, вступившим на волшебную землю, о которой давно мечтал, и каждое мгновение было наполнено предвкушением встречи с неизвестным» (Al-e Ahmad, 1960, p. 20). Ощущение новизны многократно усиливается благодаря аллегорическому описанию автором того далекого от реальности образа, который хранился в его памяти: «Я представлял себе остров как затерянный уголок земли, мимолетное упоминание о котором можно было встретить разве что на страницах книги, путевого дневника или репортажа о трагическом происшествии. Оно было подобно комете, прочерчивающей небосвод раз в несколько лет и не оставляющей после себя даже следа. Его можно сравнить также с постоянным двором в далекой стране, в котором путник останавливается лишь на одну ночь, а затем отправляется дальше. Или с крепостью на горной вершине, служащей обителью разбойникам, или с пристанищем изгнанника. Ведь этот остров не был ни известным местом паломничества, ни центром развлечений...» (Al-e Ahmad, 1960, p. 20).

В своем историческом обзоре Джалал в равной степени уделяет внимание как доисламскому, так и исламскому периоду в истории острова. Указывая, что никто из великих путешественников Средневековья, проведших много лет в странах Востоку и пересекавших на корабле Персидский залив – ни Насир Хусрав, ни Марко Поло, ни Ибн Батута, – не упоминают об этом острове, он связывает это обстоятельство с тем, что поблизости расположены более известные и густонаселенные острова – Сираф, Киш, Ормуз. Подчеркивая, что история острова уходит своими корнями в глубокую древность, Джалал пишет: «Первооткрывателями вод Персидского залива были финикийцы, населявшие центр ойкумены той эпохи и распространившие искусство мореплавания и письменности в разные концы земель, на которых позднее появились христианство и ислам» (Al-e Ahmad, 1960, p. 29). Отмечая, что эпоха мидийцев и Ахеменидов не сохранила никаких упоминаний об этом острове, Але Ахмад приводит данные о двух важных событиях, свидетелем которых остров

Харг стал в Средние века. Одно из них – это отправка в VI веке н. э. шахом из династии Сасанидов Хосровом Ануширваном в Индию иранской культурной миссии во главе с главным визирем Бузургмихром: «Доподлинно неизвестно, каким путем следовала эта миссия – через Ктесифон (бывшая столица Иранской империи в период правления династий Парфян и Сасанидов в I-VII в. н. э. – Ю. III.) или Джундишапур (город, основанный Шапуром I Сасанидом, крупный научный и культурный центр той эпохи. – Ю. III.), но в любом случае ее участники должны были сделать остановку на острове Харг для того, чтобы пополнить запасы питьевой воды» (Al-e Ahmad, 1960, p. 33). Другое важное событие связано с иранским военным походом в эпоху правления Ануширвана Хосрова Сасанида с целью захвата побережья Йемена (Al-e Ahmad, 1960, p. 34). Что касается этимологии названия острова, то писатель приводит несколько версий: по одной из них, как указывает Джалал, слово *хараг* (*хараг*) на языке местных жителей означает финиковую пальму. Согласно другой версии, название острова может происходить от персидского *хара* или *харак*, что означает «острый камень, острая скала». Интересно отметить, что в поисках возможных языковых параллелей Джалал приводит названия некоторых иранских населенных пунктов с таким же корнем, и даже привлекает в этом качестве название «южнорусского города Харькова» (Al-e Ahmad, 1960, p. 24).

Рассматривая судьбу острова в исламскую эпоху, Але Ахмад указывает, что остров был открыт мусульманами во время правления халифа Омара (Al-e Ahmad, 1960, p. 67); автор также приводит сведения, что в начале исламской эпохи остров упоминался в связи с течением *кайсанитов* (представители течения в исламе, признающего имамат Мухаммада Ханафии – одного из сыновей повелителя правоверных халифа Али. – Ю. III.), а в 4-м веке хиджры остров стал прибежищем для *карматов* (последователи радикального шиитского течения, имеющего много общего с исмаилизмом; название связано с основателем этого движения по имени Хамдан ибн ал-Ашаз, получившим известность под именем Кармат. – Ю. III.).

По мнению писателя, именно для того, чтобы больше узнать о последователях этого движения, и предпринял в 5-м веке хиджры свое трудное путешествие средневековый поэт-проповедник Насир Хусрав (ум. между 1072-1078) (Al-e Ahmad, 1960, p. 70). Затем на протяжении ста двадцати лет в Персидском заливе, который использовался как морской путь для торговли шелком, хозяйничали португальцы, причем, по словам писателя, они так преуспели в грабежах и насилии, что превзошли в этом отношении даже монголов (Al-e Ahmad, 1960, p. 72). Позднее наступил черед голландцев и англичан, и такое положение дел продлилось до Первой мировой войны. Называя обнаружение нефти в регионе Персидского залива новой страницей в истории острова, Джалал выражает надежду, что через пятьдесят лет, когда будут обнаружены новые источники энергии, громадные танкеры, нефтепроводы и нефтехранилища станут ненужными и Персидский залив вновь вернет себе прежний облик (Al-e Ahmad, 1960, p. 72).

В своем очерке Але Ахмад также приводит достаточно подробную характеристику образа жизни, культуры, традиций населения острова. Отмечая, что Харг – один из немногих островов Персидского залива, не испытывающих недостатка в пресной воде, Але Ахмад указывает, что благодаря этому обстоятельству просторные дома местных жителей окружены садами и пальмовыми рощами: «В каждом дворе есть колодец глубиной от двух до четырех метров. Для полива садов и полей используются колодцы большего размера – до шести-семи метров в глубину, выложенные камнем» (Al-e Ahmad, 1960, p. 48). Характеризуя религиозную принадлежность жителей острова, Але Ахмад указывает, что две трети из них – сунниты-шафииты, остальные – шииты-двунадесятники, упоминая при этом, что на острове есть действующая соборная мечеть. Описывая своеобразие местного образа жизни и традиций, Але Ахмад пишет: «В отличие от жителей пустынных регионов, которые сушат на крышах своих домов ягоды тутовника, алычу и сливы, здешние жители сушат на солнце кораллы, а затем используют их во внутреннем убранстве своих жилищ. Местные жители курят кальян, но почти не пьют кофе, предпочитая ему чай. Они не чураются музыки и танцев в дни праздников, например на свадьбах» (Al-e Ahmad, 1960, p. 49-50). У некоторых из них, как отмечает писатель, даже заметны негроидные черты, что вполне объяснимо, если вспомнить, что на островах Персидского залива издавна процветала работорговля. Интересно отметить также, что, по словам писателя, на острове нельзя было встретить ни лошадей, ни собак, которые, как полагали местные жители, плохо переносят местную жару (Al-e Ahmad, 1960, p. 49-50).

Очерк содержит и подробную характеристику основных занятий местных жителей – рыбной ловли и добычи жемчуга: «Для ловли рыбы используют сети или ловушки. Сезон добычи жемчуга начинается в конце весны – начале лета, поскольку вода должна хорошо прогреться. Охотники за жемчужинами могут нырять на глубину семнадцати-восемнадцати метров и оставаться там на время до шести минут. Для защиты от акул они обычно покрывают лицо смесью дегтя и смолы» (Al-e Ahmad, 1960, p. 52-54). Правда, как отмечает Але Ахмад, с приходом на рынок искусственно выращенного японского жемчуга спрос на натуральный жемчуг сильно снизился и промысел почти пришел в упадок, о чем местные жители весьма сожалеют. Некоторые из них полагают, что причиной спада добычи жемчуга стала миграция моллюсков, живущих в раковинах-жемчужницах, которые не выносят загрязнения воды залива нефтью. Здесь же Джалал приводит повествование Ибн Батуты и других мусульманских путешественников о добыче жемчуга на островах Персидского залива (Al-e Ahmad, 1960, p. 55-57). Писатель также повествует еще об одной важной профессии, которой издавна занимаются жители острова, – проведении судов по Персидскому заливу; недаром по-арабски остров называют «Гаванью капитанов» (Al-e Ahmad, 1960, p. 55-57).

Заметное место занимает в очерке описание сохранившихся на острове археологических достопримечательностей. Автор подробно описывает вырубленные в скалах зороастрийские захоронения (*дохме*) эпохи Сасанидов, наскальные росписи, подчеркивая при этом, что такие мотивы, как лотос и ангел, охраняющий вечный сон захоронения, имеют иранское, а не греческое происхождение и обладают сходством с росписями

Фируз-Абада (город на юге Ирана, в провинции Фарс. – Ю. III.) периода правления шаха Ардашира. Описывая развалины древнего храма огня, Джалал упоминает, что, по мнению известного археолога Гиршмана, в античные времена на его месте был построен храм Нептуна. Джалал тем не менее высказывает предположение, что храм, возможно, принадлежал древнеиранской богине Анахите – покровительнице вод и земледелия, поскольку остров всегда славился обильными запасами приятной на вкус пресной воды (Al-e Ahmad, 1960, p. 60).

Кроме того, очерк содержит богатый материал записанных на острове сказок и песен, обширный словарь местных слов и выражений, а также приложения (отчеты и доклады европейских путешественников, военных и ученых, посещавших остров в XVIII-XIX вв.). В заключительной главе Але Ахмад приводит притчу из «Истории пророков» Мухаммада Джавири. Она повествует о том, как джинн похитил у Сулеймана кольцо власти и занял его трон, но через сорок дней обман был раскрыт: Сулейман вернул себе власть, но джинны за это время научили народ колдовству. Вероятно, Але Ахмад, называвший технический прогресс новым божеством Запада (Al-e Ahmad, 2006, p. 19), хотел подчеркнуть этим эпизодом, что власть ложного идола над умами людей не вечна.

Индустриализация острова: вторжение техногенной западной цивилизации

Тема конфликта мировоззрений возникает в очерке не сразу: первое соприкосновение иранского писателя с западным миром, подчинившим остров своему влиянию, происходит в третьей главе очерка: она описывает жизнь обитателей палаточного городка, где живут нефтедобытчики – в основном европейцы и американцы. Упоминая о небольшом количестве иранцев, проживающих в палаточном городке, писатель поднимает тему неравноправия: он не в силах смириться с таким положением дел, при котором иранцы на своей собственной земле вынуждены довольствоваться уготованной для них второстепенной ролью. В пользу этого утверждения можно судить по ряду описанных в очерке эпизодов. Так, например, Джалал, придя в палатку, где собираются на обед и обсуждают важные вопросы обитатели городка, становится свидетелем неприятной ситуации: «Мое внимание привлекли голоса, говорящие на английском и фарси. Я обернулся и увидел доктора – того самого, с которым прилетел на остров; он сердито говорил что-то, двигаясь вдоль скамьи. Мой спутник гид поспешил туда и, извинившись, уладил дело, после чего вернулся и сказал: “Не следовало доктору садиться там”. И тут я понял: наши столы располагались в самом конце палатки, за ними сидели все иранцы, все, кроме доктора, который, войдя в палатку, не знал, куда нужно сесть. Мне стало неприятно, и я встал из-за стола» (Al-e Ahmad, 1960, p. 41). Позднее внимание Джалала привлекают иностранные специалисты, которые становятся объектом его размышлений: «Я наблюдал за двумя голландцами, которые просматривали какие-то документы, время от времени обмениваясь репликами между собой. У одного из них были большие наручные часы. Дымя сигаретой, я думал об этом человеке, заброшенном на чужбину. Возможно, кто-то из его предков приехал сюда с первой волной голландских переселенцев, и теперь он разыскивает его следы. Или же его слишком зеленый и благоустроенный город, в котором он раньше жил, надоел ему, и он приехал сюда. Я был занят тем, что объяснял себе таким образом обстоятельства прибытия сюда этого голландца, когда он, заметив мое внимание, прервал чтение и с улыбкой спросил на фарси: “Который час?”» (Al-e Ahmad, 1960, p. 42). Понимая, что попал в неловкую ситуацию, Джалал недоумевает: «Что бы это значило? У него на руке большие часы, а он задает мне вопрос. Однако выхода не было. Я ответил ему с такой же улыбкой, поняв, что не было никакой необходимости объяснять его присутствие здесь. Он и подобные ему создатели и экспортеры машин – не столь важно, следуют ли по стопам своих предков или руководствуются собственными интересами, – не меняют своей сути: они приехали на остров Харг, чтобы построить необходимую для погрузки огромных танкеров инфраструктуру. Они готовы мириться с такой кочевой жизнью, чтобы получить доступ к нефти» (Al-e Ahmad, 1960, p. 42). Выводы иранского писателя однозначны: в своих поступках западный человек руководствуется исключительно прагматическими интересами.

У Джалала не вызывает сомнений и взаимосвязь между научными и колониальными экспедициями, организуемыми Западом для изучения Востока: стоит голландцу спросить Джалала, видел ли он местные *дохме*, Але Ахмад иронично замечает: «Ну надо же, они же все археологи!» (Al-e Ahmad, 1960, p. 42). Правда, он умышленно произносит это слово быстро и невнятно, чтобы голландец не понял. Тем не менее данный эпизод со всей очевидностью демонстрирует скептическое и даже враждебное отношение Але Ахмада к иностранным специалистам, которых он рассматривает исключительно как незваных гостей и эксплуататоров. Дальнейшие размышления о техническом превосходстве Запада лишь усиливают протест писателя против такого положения дел, когда принесенные извне технологии и ценности заставляют жителей Ирана ощущать себя чужестранцами на собственной земле: «Так кто же из нас иностранец здесь? Ты и есть иностранец, а они – его хозяева! Ты прилетел сюда на их самолете, ты едешь по острову на их “Лендровере”, а для чего? Для того, чтобы спасти хоть что-то из тисков принесенной ими цивилизации...» (Al-e Ahmad, 1960, p. 43).

С антизападной темой связан и эпизод, описывающий завершающий этап пребывания писателя на острове: отправившись вместе со своим приятелем доктором на побережье, чтобы искупаться, он наблюдает за плещущимися в море местными ребятишками и задумывается над тем, что их ждет в будущем и какие коррективы внесет в их судьбы индустриализация острова: «Если бы не нефть, через десять лет они стали бы загорелыми до черноты ловцами жемчуга либо рыбаками, рассекающими воды залива на своих просмоленных лодках, сделанных без единого гвоздя» (Al-e Ahmad, 1960, p. 78-79). Писателя по-прежнему мучает вопрос, что несет острову индустриализация – благо или зло? Своими мыслями он делится с доктором, только что закончившим читать намаз:

«– Что скажете, доктор? Когда их жизнь была счастливее? Раньше или сейчас?

– Жизнь местных жителей постепенно наладится и войдет в привычную колею.

– Да, это так. Однако когда все они станут рабочими нефтедобывающей промышленности, пойдя в услужение технике, будет ли кто-нибудь из них мечтать стать таким, как Синдбад? Не думаете ли вы о том, что эти дети утратят то единственное преимущество, которым обладают? Ведь согласиться служить машинам означает перестать быть жителем Харга» (Al-e Ahmad, 1960, p. 78-79).

Вопрос, заданный Джалалом в финале очерка, поднимает один из самых важных вопросов, прямо или косвенно поставленных им в своей работе, – проблему сохранения иранской национально-культурной идентичности в эпоху стремительной глобализации планеты по западному образцу. Этот вопрос прямо коррелирует с вызовами современности, стоящими перед человеком в эпоху господства техники во всех областях его жизни: речь идет о трансформациях, затрагивающих сущностные характеристики человека, его бытие и самопонимание (Дёмин, 2017, с. 116) и приводящих в итоге к нигилизму и утрате смысловых основ существования (Naraqī, 1975, p. 10). Сомнения, терзающие автора по поводу необходимости индустриализации острова, не находят разрешения, как не находят разрешения и его сожаления о неотвратимости грядущих изменений, которые навсегда изменят как его облик, так и привычный уклад жизни местных жителей.

Соображения доктора, призванные смягчить обеспокоенность Джалала, оказываются безрезультатными, и приятели наконец покидают пустынный пляж. В силу ряда смысловых параллелей описание финальной сцены пребывания писателя на острове очень напоминает описание сцены его прибытия: «Когда ночная тьма окончательно прогнала с небосклона последние краски солнечного света, мы выбрались из воды и, надев одежду на еще мокрое тело, с обувью в руках, босиком пошли назад. Воздух был влажным, и безжизненность ночи оживлял лишь протяжный и похожий на свист шум техники. Под ногами мягко шелестел песок. Темноту освещал лишь тонкий луч маяка, бросавший свет с вершины холма Гомбад-е Дидебан (перс. сторожевая башня)» (Al-e Ahmad, 1960, p. 78-79). Возможно, этим эпизодом автор хотел показать, что хотя победа технического прогресса над заповедным миром древней культуры неизбежна, тонкий луч маяка символизирует надежду на лучшее будущее.

Остров Харг предстает в очерке Але Ахмада как оазис традиционной иранской культуры, подвергшийся вторжению извне и обреченный пасть под ударами неумолимой техногенной цивилизации. Главный вопрос, на который пытается ответить автор в своем очерке, состоит в том, можно ли найти точки соприкосновения между неизбежной модернизацией Ирана и традиционными ценностями иранского народа. Другими словами, что в век модернизма может помочь Ирану сохранить свой неповторимый облик, свою культурную идентичность?

В самом очерке «Остров Харг» Але Ахмад не дает прямого ответа на этот вопрос, но о его мнении на этот счет можно судить по его другим, более поздним работам, в частности, – по работе «*Гарбзадеги*», ставшей квинтэссенцией его антизападной критики. Так, рассматривая в ней историю взаимоотношений Ирана и Запада, писатель подчеркивает, что единственной силой, способной противостоять западной культуре на протяжении веков, был и есть ислам: «Мы стали единственной плотиной, противостоящей западной (христианской) колониальной экспансии... Не пришло ли время нам пробудиться и восстать против мощи Запада?» (Al-e Ahmad, 2006, p. 24-45). Ислам становится для писателя оплотом традиционных иранских ценностей, сплотившись вокруг которых иранское общество сумеет сохранить свою идентичность: «В стремлении ликвидировать духовную зависимость от Запада Але Ахмад ищет опору в консолидации массового сознания вокруг символов национального единства и собственных нравственных ценностей. Эти символы и ценности он видит в сфере ислама» (Кляшторина, 1990, с. 37). Взгляды Але Ахмада отразили усиление в иранском обществе традиционалистских тенденций, а его критические работы внесли важный вклад в формирование революционной исламской идеологии (Dabashi, 2017, p. 41). Так или иначе, но политическое крыло ислама, в значительной степени порожденное западной модернизацией (Lolaki, 2020, p. 4), сыграло решающую роль в революционном взрыве 1979 года, ознаменовавшемся полным разрывом отношений с Западом.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Интерес писателя к образу жизни населения иранских сел и деревень, продиктованный его желанием лучше узнать родную страну, стал важным фактором, заставившим его пересмотреть свои взгляды на сущность прогресса как фактора, несущего иранскому обществу не только благоприятные, но и негативные последствия.

Изучение и описание Але Ахмадом этнографических аспектов жизни острова Харг не только обогатило этнографическую литературу того времени, но и сформировало уверенность писателя в том, что именно традиционные ценности иранского общества, лежащие в основе уклада иранской деревни, должны были стать движущей силой развития иранского общества.

Строительство на острове нефтепровода и соответствующей инфраструктуры иностранными специалистами вызывает протест писателя, поскольку индустриализация острова грозит уничтожить традиционную иранскую культуру. Очерк «Остров Харг», изначально планировавшийся автором как работа этнографического характера, становится решающим фактором, оказавшим влияние на формирование антизападной позиции Але Ахмада, которая вылилась в дальнейшую бескомпромиссную борьбу писателя с шахским режимом и вестернизацией Ирана.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углубленным изучением проблемы сохранения культурной идентичности народов в эпоху глобализации, а также проблем культурного взаимодействия.

Источники | References

1. Дёмин И. В. Человек техники: М. Хайдеггер и Ф. Г. Юнгер об экзистенциальном смысле техники // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1.
2. Кляшторина В. Б. Иран 60-80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации культурных ценностей. М.: Наука, 1990.
3. Baraheni R. Safar-e Mesr va Jalal Al-e Ahmad va Felestin. Tehran: Diba, 1363/1984.
4. Blanton C. Travel Writing. The Self and the World. N. Y.: Routledge, 2002.
5. Clinton J. W. Al-e Ahmad, Jalal // Encyclopaedia Iranica. 1984. Vol. I. No. 7.
6. Dabashi H. The Last Muslim Intellectual. The Life and Legacy of Jalal Al-e Ahmad. Edinburgh: University Press, 2021.
7. Dabashi H. Theology of Discontent: The Ideological Foundation of the Islamic Revolution in Iran. N. Y.: New-York University Press, 2017.
8. Dastgheyb A. Naqd-e Asar-e Jalal Al-e Ahmad. Tehran: Khane-ye Ketab, 1390/2011.
9. Katouzian H. The Persians. Ancient, Medieval and Modern Iran. New Haven – L.: Yale University Press, 2009.
10. Lolaki S. M. Diverging Approaches of Political Islamic Thought in Iran since the 1960s. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020.
11. Mirsepassi A. Mistaken Anti-modernity: Fardid after Fardid // Working Paper Series of the HCAS “Multiple Secularities – Beyond the West, Beyond Modernities”. Leipzig, 2019. No. 6.
12. Naraqi E. Ghorbat-e Gharb. Tehran: Sepehr, 1354/1975.
13. Wells R. Jalal Ale Ahmad. Writer and political activist: Thesis submitted to the University of Edinburgh for the Degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Arts. Edinburgh, 1982.

Информация об авторах | Author information

Штых Юлия Григорьевна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Iuliia Grigorievna Shtykh¹

¹ St. Petersburg State Pediatric Medical University

¹ iuliia.shtykh@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.02.2025; опубликовано online (published online): 17.04.2025.

Ключевые слова (keywords): Джалал Але Ахмад; западничество; остров Харг; этнографические заметки, этнокультурная идентичность; Jalal Ale Ahmad; Occidentosis; Kharg Island; ethnographic notes, ethnocultural identity.